

Дискуссионная статья

УДК 94+329.15

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

Становление руководящей роли коммунистической идеологии в КНДР

Ма Юньпэн¹

Чжу Шисун²

Чэнь Чуньхун³

¹ Шицзячжуанский железнодорожный университет
Шицзячжуан, Китай

^{2,3} Сычуаньский университет иностранных языков
Чунцин, Китай

¹ StevenMa1985@outlook.com, <http://orcid.org/0009-0008-9629-1549>

² Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0007-9070-7462>

³ Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-1660-4003>

Аннотация

Долгое время на борьбу корейского народа за национальную независимость негативное влияние оказывали такие факторы как «доктрина Ёсиды», «сектантство» и буржуазный национализм. «Доктрина Ёсиды» уничтожала национальную автономию и негативно влияла на понимание субъектности революционной борьбы. «Доктрина» являлась первопричиной «сектантства», порождая разногласия в руководстве корейской революции. В борьбе с «доктриной Ёсиды», «сектантством» и буржуазным национализмом корейские коммунисты определили корейский народ как главную силу революции, осознали необходимость единой партии, объединенной одной мыслью, и пришли к пониманию необходимости мобилизации широких народных масс на вооруженную революционную борьбу. Эти три основных пункта легли в основу коммунистической мысли «с корейскими особенностями», которая в конце концов утвердилась в Северной Корее в качестве руководящей позиции.

Ключевые слова

Корейская Народно-Демократическая Республика, доктрина Ёсиды, буржуазный национализм, сектантство, коммунистическая идеология

Для цитирования

Ма Юньпэн, Чжу Шисун, Чэнь Чуньхун. Становление руководящей роли коммунистической идеологии в КНДР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 151–162. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

The Formation of the Leading Role of Communist Ideology in the People's Democratic Republic of Korea

Ma Yunpeng¹, Zhu Shisong², Chen Chunhong³

¹ Shijiazhuang Tiedao University
Shijiazhuang, China

^{2,3} Sichuan International Studies University
Chongqing, China

¹ StevenMa1985@outlook.com, <http://orcid.org/0009-0008-9629-1549>

² Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0007-9070-7462>

³ Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-1660-4003>

Abstract

The formation of the ideology and leadership role of the Korean Communist Party took place in the conditions of overcoming the negative influence of the Yoshida doctrine. Korean communists attributed the failure of both the Korean national liberation movement and the early communist movement to the influence of the Yoshida Doctrine. Bourgeois nationalists concentrated their efforts on searching for a “powerful power” that they could rely on in the struggle for independence. However, they did not consider the Korean people as a subject in this struggle. This fact determined the defeat of the bourgeois nationalist movement and contributed to the preservation of foreign domination. Korean communists waged an ideological struggle against the Yoshida Doctrine, striving for an ideological theory of self-determination. This became the source and foundation of the future “Juche ideology” – the basic principle of North Korean socialism associated with political independence and economic self-sufficiency. Only under the leadership of the working class and its political parties was it possible to formulate the correct strategies and tactics, carry out the armed struggle for independence in an organized manner, overcome the fragmentation and spontaneity of the struggle and achieve victory in the struggle for national independence. In the process of fighting for the complete elimination of the “Yoshida Doctrine” in their minds, the Korean communists, represented by Kim Il Sung, created their own political party and determined the main principle of the struggle: to consider the people as the main force of it. The creation of a political party and the determination of the status of the people as the main subject became the main and direct sources of the Korean “Juche ideology”.

Keywords

People's Democratic Republic of Korea, Yoshida Doctrine, bourgeois nationalism, sectarianism, communist ideology

For citation

Ma Yunpeng, Zhu Shisong, Chen Chunhong. The Formation of the Leading Role of Communist Ideology in the People's Democratic Republic of Korea. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 151–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

Введение

Идеологические основы «доктрины Ёсиды», а также «сектантство» и национализм издавна существовали в истории Кореи и оказали значительное негативное влияние на революционную борьбу корейского народа за национальную независимость. Под «доктриной Ёсиды» здесь понимается принцип подхода к внешней политике, аналогичный тому, которого придерживался премьер-министр послевоенной Японии Ёсида Сигэру (吉田茂, 1878–1967). Этот принцип основывался на тесной привязке своей страны, не имеющей в данный момент сильных позиций на международной арене, к какому-либо мощному игроку (например, Японии к США) в сфере внешней политики, чтобы на этом фундаменте отстраивать национальную экономику. Приверженцы «доктрины Ёсиды» в Корею верили, что тесная связь с великой державой поможет обрести национальную независимость, поэтому они вели себя в соответствии с этим принципом.

«Сектантство» – широко известное проявление острой межфракционной борьбы в рядах одного определенного политического течения. Оно встречалось не только у революционе-

ров-националистов, но и у коммунистов, что приводило к дезинтеграции корейских сил во время борьбы за независимость.

Националисты понимали огромную роль народа в революционной борьбе, но не желали рассматривать его как основную движущую силу. Они видели в нем лишь инструмент борьбы, который можно использовать в своих целях, но не субъекта, способного самостоятельно определять свою судьбу. Поэтому они выступали исключительно за мирные методы, но не за вооруженное восстание. Для борьбы с японскими властями подобная мобилизация народа на мирные протесты им представлялась достаточной. Это нанесло большой ущерб корейскому движению за независимость.

Коммунисты в Корее уже в начале разработки своих идеологических подходов выступали против «доктрины Ёсиды» и «сектантства». Становление идеологических основ их политики проходило в размышлениях о негативных последствиях действий националистического руководства для корейского движения за независимость. Противостояние этим «трем доктринам» сыграло важную роль в формировании позиций коммунистической мысли в Северной Корее.

1. Борьба против «доктрины Ёсиды» и трансформация главной движущей силы корейской революции

1.1. Исторические корни и влияние «доктрины Ёсиды»

«Доктрина Ёсиды» является одним из проявлений конфуцианской дипломатической философии и политики. Она была характерна для династии Чосон (1392–1895), которая демонстрировала зависимость от китайских династий Мин и Цин и активно следовала их примеру. Ее формирование было тесно связано с концепцией «хуа-и» (китаецентризм), на которой строилась дипломатия «малых стран» в восточноазиатском регионе, которые с целью самосохранения поддерживали тесные контакты с крупными державами. В случае Кореи эта идея проявилась в ее отношениях со Серединой Державой (Китаем).

Концепция «доктрины Ёсиды» уходила корнями в философию конфуцианства. В ранний период правления династии Ли конфуцианство стало ортодоксальным социальным сознанием в корейском обществе. Именно в процессе взаимоотношений с империей Мин в самых разных сферах она и сформировалась [Лю Юймин, 1994, с. 83]. В результате корейская династия Ли следовала конфуцианской системе этикета и организовывала государственные институты по образцу политической системы династии Мин.

Корейский классический текст «Сяньюань» выражает эти отношения следующим образом: «За границей существуют три наставления и пять правил, и это нормально в Китае; практикуйте сыновнюю почтительность, соблюдайте этикет, уголовное право и следуйте законам Великой Мин» [У Юйцзинь, Ци Шижун, 1992, с. 196]. Династия Ли считала Китай – «Поднебесную» – своим сюзереном, а себя называла «Маленьким Китаем». В «Записях Сонджона» говорилось: «В истории мы называли себя Маленьким Китаем» (цит. по: [Ян Юйлэй, 2011]). Концепция «Маленького Китая» – одно из самых важных проявлений «доктрины Ёсиды».

Но сама доктрина подвергалась в Корее публичной критике. Существовало мнение, что династия Ли придерживалась капитулянтской позиции, игнорируя национальную независимость. «Доктрина Ёсиды» уничтожала осознание самостоятельности корейской нации. Как отмечают современные исследователи, «автономный дух правителей династии Ли и некоторых ученых был задушен, что привело к отказу от идеи самостоятельности и к тенденции презирать автономный дух местной этнической группы» [Лю Юймин, 1994, с. 85].

Тем не менее, «доктрина Ёсиды» несла в себе стремление к национальной независимости. Ли Сонге, основатель корейской династии, сказал: «Способ защитить страну – сделать себя маленькой перед лицом большой» [У Хань, 1980, с. 106–107]. Иначе говоря, ради сохранения национальной независимости Корею следует привязать к великой державе, что позволит приобрести снисходительность и дружелюбие по отношению к Корее. Таким образом, основным инструментом борьбы за сохранение независимости становится апелляция к международному сообществу.

После Первой опиумной войны концепция хуа-и сменилась новыми принципами международных отношений. Корея превратилась в арену противостояния Китая и Японии. Под сильным давлением со стороны Японии 7 января 1895 г. король Кореи Коджон был вынужден принести присягу (хонбом), состоящую из 14 статей. В первом же пункте хонбома говорилось: «Категорический отказ от зависимости от империи Цин и создание основ для автономии и независимости» [Ван Жухуэй, 2004, с. 227]. На этом тысячелетние кланово-феодалные отношения между Кореей и Китайской империей закончились.

В 1896 г. корейцы снесли ворота Ёнынмун, где когда-то на самом высоком уровне приветствовали китайских посланников, а на их основе воздвигли «Ворота независимости». Этим была подчеркнута независимость от Китая. Однако полного отказа от «доктрины Ёсиды» не произошло. Начались лишь поиски нового покровителя.

Как до, так и после разрыва с Китаем внутри корейского руководства существовали серьезные разногласия, к кому в дальнейшем применить эту доктрину – к России или Японии. Если быть точным, то «великая доктрина Кореи», заявленная в «14 статьях», была всего лишь сменой «страны привязанности», но ни в коем случае не отходом от логики: «привязать себя к великой державе, чтобы сохранить себя».

При этом феодальная правящая группа и не думала полагаться на народ для преодоления кризиса, с которым столкнулась страна. Вместо этого она искала поддержки у мощных держав, сформировав прояпонские, пророссийские и другие подобные группировки. Она «притянула иностранные силы, что привело к распаду страны» [Шарки Агами, 1978, с. 26–27]. С началом японской оккупации сторонники «доктрины Ёсиды» в лице короля Кореи, стремясь к восстановлению независимости страны, возлагали надежды на международное сообщество, но их дипломатические усилия не имели успеха.

1.2. Отказ от идеологии «доктрины Ёсиды»

Влиянию «доктрины Ёсиды» корейские коммунисты приписывали провал как корейского национально-освободительного движения, так и раннего коммунистического движения; она же, по их мнению, привела и к появлению сектантства [Ван Хуайчао, 2011, с. 270].

Следует признать, что корейские буржуазные националисты тоже выступали против «доктрины Ёсиды». Но они из-за своей классовой ограниченности не рассматривали народ как ведущую революционную силу и продолжали неосознанно искать некую великую державу, на которую можно опереться.

Первоначально корейские коммунисты также не ориентировались на народные массы. В их рядах возникали различные фракции, каждая из которых обращалась к Коминтерну и «умоляла его признать себя» [Шарки Агами, 1978, с. 27]. Фракционная борьба и жесткое подавление корейской коммунистической революции японскими агрессорами привели к исключению корейской компартии из Коминтерна в 1925 г. После формального объединения компартии Кореи и компартии Китая в 1928 г., корейские коммунисты во главе с Ким Ир Сенем начали

борьбу с идеологическим влиянием «доктрины Ёсиды». По их мнению, корейская нация должна была самостоятельно осуществлять революцию в Корее, не оглядываясь на китайский контекст.

Ким Ир Сен отмечал чрезвычайную вредность «доктрины Ёсиды» для независимости и революционного движения корейской нации. Для него ее преодоление являлось «ключевым вопросом, связанным с успехом или неудачей революции, это вопрос жизни и смерти, который определяет выживание нации... Если человек придерживается “доктрины Ёсиды”, он станет дураком; если ее придерживается нация, она умрет; если ее придерживается партия, то она разрушит революцию и созидание» [Ван Яоминь, 2003, с. 209].

Видя тот ущерб, который «доктрина Ёсиды» нанесла корейской революции, корейские коммунисты повели против нее идеологическую борьбу, стремясь к идеологической теории самоопределения. Это стало источником и фундаментом будущей «идеологии Чучхе» – основного принципа северокорейского социализма, связанного с политической независимостью и экономической самостоятельностью. Идеология Чучхе, таким образом, является своего рода теорией, которая отвергает «доктрину Ёсиды» и выводит на первый план стремление к самоопределению.

Концепция революционной борьбы за национальную независимость основывается, таким образом, на трех моментах. Во-первых, независимость Кореи не может зависеть от милости великой державы, при этом главным субъектом борьбы является корейская нация. Во-вторых, корейская революция не может быть превращена в вассала революции какой-либо великой державы, и корейцы должны быть привержены революционной борьбе именно Кореи, а не какой-либо иной страны. В-третьих, сами корейцы должны нести ответственность за руководство корейской революцией и противостоять указаниям любой крупной державы.

Корейские коммунисты пришли к выводу, что если влияние «доктрины Ёсиды» сохранится, то Корея останется идеологической колонией одной из великих держав, даже если обретет формальную независимость.

1.3. Борьба с «доктриной Ёсиды» и изменение субъекта корейской революции

Отрицание «доктрины Ёсиды» помогло корейским коммунистам прекратить ориентироваться на великие державы. С этого момента именно корейский народ воспринимается ими как главная движущая сила революции. При этом возникает глубокая взаимная связь: чем более мощной становится субъектность народа, тем более полным становится отказ от «доктрины Ёсиды»; чем основательнее отказ от «доктрины Ёсиды», тем сильнее утверждается субъектность народа.

Одновременно с этим корейские коммунисты в лице Ким Ир Сена выступили за создание автономной политической партии. Независимость корейского государства, равно как и социальное освобождение, требуют, чтобы политическая партия полностью отказалась от «доктрины Ёсиды» и уходила корнями в почву корейского народа как ведущей силы революции. Для своей борьбы с японским империализмом корейские революционеры использовали территорию не только Кореи, но и Китая. Но при этом Ким Ир Сен всегда подчеркивал, что корейцы осуществляли именно корейскую революцию, а не китайскую или советскую.

В процессе борьбы за полную ликвидацию «доктрины Ёсиды» в своем сознании корейские коммунисты в лице Ким Ир Сена создали собственную политическую партию и определили главный принцип борьбы: рассматривать народ в качестве основной силы революционной

борьбы. Создание политической партии и определение статуса народа как основного субъекта стали основными и непосредственными источниками корейской «идеологии Чучхе».

2. Борьба против «сектантства»

В процессе достижения независимости корейской нации и государства возникли многочисленные политические партии и группировки. Одни ориентировались исключительно на национально-освободительную борьбу, другие имели в своей основе коммунистическую идеологию. Многие партии занимали, казалось бы, единую политическую позицию, но при этом между ними все время возникали различные противоречия. Антагонизм и сектантские подходы сильно затрудняли формирование стабильной и единой политической группы, которая могла бы возглавить движение за независимость корейской нации.

2.1. Коренные причины сектантства и его влияние на корейскую революцию

Под опосредованным влиянием сотрудничества между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом 10 мая 1939 г. лидер Национальной партии Кореи Ким Гу и лидер Корейской национально-революционной партии Ким Вон Бон опубликовали «Совместную декларацию», в которой они отказывались от противоречий и вражды и совместно выступали против Японии с целью достижения национальной независимости. В декларации анализировался тот вред, который в прошлом причиняла фракционная борьба общему делу: «Из опыта, полученного нашим национальным движением в последние несколько десятилетий, мы извлекли уроки неудач, вызванных фракционной борьбой, а также на фоне нынешних уроков, полученных в ходе достижения китайской нацией окончательной победы и великого национального единства, мы с горечью осознаем различные ошибки, которые мы совершили в прошлом» [Ян Чжаоцюань, 1987, с. 625]. Теперь они выступали за прекращение фракционной борьбы, а также выдвигали десять основных пунктов политической программы корейской революции [Пак Енцзи, 2001, с. 74]. В конкретном содержании этих пунктов мы можем найти как демократические требования националистов, так и требования социального освобождения, выдвигаемые коммунистами.

В коммунистической партии Кореи также присутствовала глубокая межфракционная борьба, которая вела к дроблению руководящих сил национального освобождения. Еще в 1926 г., на раннем этапе формирования коммунистической партии Кореи, возглавляемая ею «Кампания 10 июня: Да здравствует независимость» потерпела поражение в результате межфракционной борьбы. Существование в рамках партии различных группировок нанесло серьезный и долгосрочный ущерб борьбе за независимость и национальной революции. Ким Ир Сен отмечал, что «все неудачи и жертвы коммунистического движения и антияпонской национально-освободительной борьбы связаны с преступлениями сектантов» [Ким Ир Сен, 1978, с. 188]. Сектантская борьба продолжалась вплоть до освобождения Корейского полуострова в 1945 г., что сильно затрудняло процесс создания единой партии рабочего класса.

Рождение сектантства было тесно связано с «доктриной Ёсиды». Среди корейских буржуазных националистов возникали различные партийные фракции в зависимости от склонности их основателей к России, Китаю, США или Японии. В то же время коммунисты также создавали разные фракции – в зависимости от ориентации на СССР или Китай либо на основе

стремления создать автономную политическую партию. Это приводило к расколу внутри корейского руководства, что стало основным источником сектантства в Корее.

2.2. Борьба с сектантством и достижение единства внутри партии

Размышляя об огромном вреде, который был нанесен корейской революции сектантством, корейские коммунисты в лице Ким Ир Сена поняли, что «должны сделать все возможное в борьбе за укрепление партийной дисциплины и поддержание единства партии» [Ким Ир Сен, 1978, с. 14]. В мае 1933 г. Ким Ир Сен опубликовал статью «Устранение сектантства и укрепление единства революционной команды», в которой подробно описывались коренные причины сектантства в корейском коммунистическом движении и разъяснялась стратегия борьбы за его ликвидацию. В 1937 г. Ким Ир Сен развил эту тему в статье «Задача корейских коммунистов». В ней он подчеркивал необходимость противостояния сектантству, поддержания чистоты коммунистической организации и единства мысли и воли.

Борьба с сектантством сопровождала все этапы роста Трудовой партии Кореи. После освобождения Корейского полуострова партийная организация в ходе нескольких съездов ликвидировала его остатки и вывела единство партии на новый этап.

В борьбе с сектантством корейские коммунисты осознали взаимосвязь проблем: чтобы преодолеть сектантство, необходимо полностью устранить влияние «доктрины Ёсиды», а этого, в свою очередь, можно достигнуть путем создания единой политической партии, руководящейся единой идеологией. Только при выполнении этих условий можно говорить о руководящей роли партии в деле завоевания независимости корейской нации.

3. Буржуазно-националистическое движение в Корее

3.1. Подъем буржуазного национализма в Корее

Представителем корейского национализма была школа «реалистов», возникшая в 1870-х гг. Ее главной силой были старые чиновники династии Ли. Основываясь на «прагматичной идеологии» [Ли Е, 2000, с. 234], они выступали за независимое существование страны и модернизацию общества. В 1876 г., после подписания на острове Канхвадо японско-корейского договора о мире, идеологические представления движения реалистов разошлись: радикальная фракция во главе с Ким Ок Кюном выступала за «быстрое» изменение национальной системы по примеру реставрации Мэйдзи в Японии [Цао Чжунпин, 1993, с. 94]; фракция реформистов, представленная Ким Юн Сиком и другими, выступала за «принятие западных инструментов», постепенный прогресс в переменах, компромисс с фракцией консерваторов, поддержание традиционных отношений с китайской династией Цин и, наконец, реализацию самостоятельности Кореи [Кан Джэянь, 1977, с. 187–188].

Под влиянием реформистов корейская династия провела ряд реформ, но эти реформы по-прежнему инициировались «сверху» и не затрагивали основы экономической и политической системы корейской династии. 4 декабря 1884 г. радикальная фракция «реалистов» во главе с Ким Ок Кюном предприняла неудачную попытку государственного переворота (переворот года Капсин) с целью отделения от династии Цин, достижения полной независимости [Ли Е, 2000, с. 239] и ликвидации существовавшей в то время в Корее политической системы.

Любые попытки реформ со стороны школы «реалистов» являлись буржуазными по своей сути. С момента подписания японско-корейского договора в 1876 г. и до «объединения» Кореи

и Японии в 1910 г. главной задачей корейского национального движения было противодействие агрессии иностранных сил и защита национального суверенитета; внутри страны целями были свержение королевской династии и создание современного национального государства. За это время корейские националисты организовали ряд народных выступлений и движений на территории Кореи: крестьянская война во время Первой японо-китайской войны (восстание Тонхак), движение ассоциаций за независимость, инцидент Имо и патриотическое просветительское движение. При этом не всегда целью ставилось изменение государственного строя.

Раннему буржуазному националистическому движению были чужды и характер радикальной революции, и участие широких народных масс. Оно рассматривало народ только как объект просвещения, а не как главную революционную силу, которую можно было мобилизовать для достижения целей своей борьбы. Однако оно создавало условия для формирования национального духа корейского народа и осознания необходимости борьбы.

3.2. Историческая ограниченность буржуазного национализма

1 марта 1919 г. в Корею вспыхнуло «Движение 1 марта» против японского произвола, возглавляемое религиозными деятелями различных конфессий: даосизма, христианства, буддизма, а также патриотически настроенными учителями и студентами. В итоге оно переросло в национально-освободительную борьбу. Однако буржуазные националисты, которые взяли на себя роль ведущей силы движения, определяли его исключительно как ненасильственный протест и не хотели, чтобы движение расширялось дальше. Они не желали превратить народ в главную силу революции. Некоторые лидеры национального движения мечтали о достижении независимости Корейского государства и нации посредством петиций, возлагая, таким образом, надежды на «теорию национального самоопределения» В. Вильсона.

Разгром «Движения 1 марта» обнаружил безрезультатность и шаткость попыток совершить буржуазно-националистическую революцию в Корею. Кровавый урок заставил Ким Ир Сена и других коммунистов осознать, что «суверенитет нации можно завоевать и сохранить, только опираясь на усилия и неукротимую борьбу собственного народа» [Ким Ир Сен, 1994, с. 38]. Они пришли к выводу, что ни одна могущественная страна в мире не даст Корею независимость, и ее невозможно добиться, если полагаться на других [Там же, с. 39]. Результаты «Движения 1 марта» показали, что в сознании националистов глубоко сидела «доктрина Ёсиды», которая теперь апеллировала не к Китаю, а к США. Ким Ир Сен критиковал буржуазных националистов за то, что они пытались использовать мощь великих держав для спасения страны от тяжелой участи колонии, и «эта злая традиция в целостности и сохранности передавалась в руки среди высшего националистического руководства» [Там же]. Корейские коммунисты поняли, что главной целью буржуазных националистов была не ликвидация колониального правления, а достижение со стороны японских властей ряда уступок интересам буржуазии. Ввиду классовой и исторической ограниченности буржуазных националистов они не имели никакой возможности взять на себя тяжелую ответственность руководства корейским антияпонским национальным движением.

Национализм, безусловно, внес значительный вклад в развитие Корейского государства и общества. Он выступал за равные права для всех, отмену социальной иерархии, прием на госслужбу в соответствии со способностями и знаниями, за независимость и отделение от династии Цин. В целом он имел большое прогрессивное значение, а идея национальной независимости, которую он отстаивал, оказала глубокое влияние на более позднее движение за

независимость Кореи. Но в то же время можно признать историческую ограниченность буржуазного национализма в руководстве Корейским государством и в борьбе за национальную независимость и социальное освобождение. Можно назвать следующие аспекты, которые ограничивали исторические возможности националистической буржуазии:

Во-первых, корейскому буржуазному национализму были присущи классовые и исторические ограничения. Его революция строилась по направлению сверху вниз и не затрагивала фундаменты экономической и политической системы корейской династии. Ведущим классом движения являлась старая бюрократия и формирующаяся буржуазия при поддержке крупных держав. Они не стремились полностью изменить ни общество, ни государственную систему Кореи. Все социальные усовершенствования они предпринимали с целью защиты интересов своего собственного класса. Поэтому буржуазный национализм не выступал за широкую мобилизацию народных масс. Но даже если бы эти народные массы были мобилизованы, националисты использовали бы их исключительно как инструмент своей борьбы. Самая главная проблема буржуазного реформаторского движения, равно как и основная причина его провала, заключается в том, что оно не уделяло внимания интеграции с народом [Ким Ир Сен, 1994, с. 23].

Во-вторых, революционная борьба, к которой призывал корейский буржуазный национализм, – это в основном мирная борьба, борьба без оружия. Националисты хотели использовать народ как инструмент этой борьбы, но не как главную силу революции. Если народ получит оружие, то это уже не будет социальной реформой, за которую выступает буржуазный национализм, это будут те социальные перемены, за которые выступают коммунисты.

В-третьих, эти два фактора: отсутствие стремления к глубоким политическим и социальным переменам и отказ рассматривать народ как главную силу революции, заставляют буржуазных националистов рассчитывать на крупные державы. В итоге они не только попали в плен стереотипа «доктрины Ёсиды», но и из-за разногласий по поводу выбора державы, на которую следует опираться, возникла серьезная борьба между фракциями, которая привела к сектантству и разделила ведущую силу буржуазно-националистической революции [Там же, с. 41].

3.3. Вооруженная борьба масс и новый этап национально-освободительного движения

«Движение 1 марта» явилось поворотным пунктом, объявившим конец корейского буржуазно-националистического движения, после чего национально-освободительное движение корейского народа постепенно вступило в новую стадию развития. Корейские коммунисты извлекли глубокий урок из «Движения 1 марта»: в борьбе за независимость Корейского государства, а также за социальное освобождение необходимо было сильное революционное руководство. Только под таким руководством рабочего класса и его политических партий, формулирующих правильные стратегии и замыслы и ведущих организованную борьбу за независимость, было возможно преодолеть децентрализацию и стихийность действий и добиться победы.

Корейские коммунисты в процессе стремления к независимости государства и нации, а также к социальному освобождению, должны были мобилизовать широкие народные массы и превратить народ в главную силу революционной борьбы. В то же время им необходимо было избавиться от иллюзий относительно некой «великой страны» и существующего правящего класса Кореи, при помощи которых якобы можно было решить поставленные задачи.

Только под руководством рабочего класса и его политических партий было возможно сформулировать правильные стратегии и тактики, организованно провести вооруженную борьбу за независимость, преодолеть раздробленность и стихийность борьбы и, наконец, добиться победы в борьбе за национальную независимость.

Заключение

Противодействие «доктрине Ёсиды», «сектантству» и буржуазному национализму и ликвидация того вреда, который они причинили корейской нации и делу достижения национальной независимости, вместе с установлением руководящего статуса коммунистической идеологии с «корейской спецификой» являются двумя аспектами одного и того же процесса. В процессе противостояния «доктрине Ёсиды» было прояснено, кто является субъектом корейской революции. Единство и сплоченность Трудовой Партии Кореи были осознаны в процессе противостояния «сектантству», а народные массы были широко мобилизованы и вооружены в процессе анализа исторической ограниченности буржуазного национализма. В конце концов в КНДР утвердилась руководящая роль коммунистической идеологии с «корейской спецификой», которая воплотилась на практике.

Список литературы

- Ван Жухуэй.** Цзяу чжаньчжэн юй чаосянь [王如绘. 甲午战争与朝鲜, 天津:天津古籍出版社]. Китайско-японская война и Корея. Тяньцзинь: Издательство древней литературы Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2004. 234 с. (на кит. яз.)
- Ван Хуайчао.** Шэхуэй чжуи тунши Ди лю цюань [王怀超. 社会主义通史·第6卷, 北京:人民出版社]. Всеобщая история социализма, том 6. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. 607 с. (на кит. яз.)
- Ван Яоминь.** Чжуи цыдянь [王耀民. 主义辞典, 呼和浩特:远方出版社]. Словарь идеологий. Хух-Хото: Юаньфан чубаньшэ, 2003. 369 с. (на кит. яз.)
- Кан Джэянь.** Чаосянь жаньи юй кайхуа [姜在彦. 朝鲜攘夷与开化, 东京:平凡社]. Борьба Кореи против варваров и за культуру. Токио: Heibonsha, 1977. 293 с. (на кит. яз.)
- Ким Ир Сен.** Цзинь Жичэн чжуцзо сюаньцзи (Ди и цюань) [金日成著作选集(第1卷), 平壤:朝鲜外文出版社]. Избранные произведения Ким Ир Сена, том 1. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1978. 527 с. (на кит. яз.)
- Ким Ир Сен.** Юй шици тунсин (цюань и) [金日成. 与世纪同行(卷1), 朝鲜平壤:外文出版社]. В водовороте века. Мемуары. Том 1. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1994. 332 с. (на кит. яз.)
- Ли Е.** Чжун жи хань синь сыго миньцучжуи юй сяньдайхуа бицзяо яньцзю [李晔. 中日韩新四国民族主义与现代化比较研究, 北京:中国对外经济贸易出版社]. Сравнительное исследование национализма и модернизации в четырех странах – Китае, Японии, Южной Кореи и Сингапуре. Пекин: Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ, 2000. 357 с. (на кит. яз.)
- Лю Юймин.** Лунь Личао жусюэ юй шида чжуи [刘玉明. 论李朝儒学与事大主义//东岳论丛]. О конфуцианстве династии Ли и доктрине Ёсиды. Дунъюй луньцун. 1994. № 1. С. 83–86. (на кит. яз.)

- Пак Енци.** Чаосянь миньцзу гэмидан яньцзю [朴英姬. 朝鲜民族革命党研究 1935–1945 年, 沈阳: 辽宁民族出版社]. Исследование Корейской национально-революционной партии 1935–1945 гг. Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2001. 158 с. (на кит. яз.)
- У Хань.** Чаосянь личао шилу чжун дэ чжунго шилуо (Ди и цэ) [吴晗. 朝鲜李朝实录中的中国史料·第一册, 北京: 中华书局]. Материалы истории Китая в Чосон Бонгон Ванджо Силлок, том 1. Пекин: Чжунхуа шудянь, 1980. 406 с. (на кит. яз.)
- У Юэцин, Ци Шижун.** Шицзешу-цзиньдайши (сяцзюань) [吴于廑, 齐世荣. 世界史·近代史(下卷), 北京: 高等教育出版社]. Всемирная история, современная история (том 2). Пекин: Гаодэн цзяюу чубаньшэ, 1992. 392 с. (на кит. яз.)
- Цао Чжунпин.** Чаосянь цзиньдайши (1863–1919) [曹中屏. 朝鲜近代史(1863–1919), 东方出版社]. Современная история Кореи (1863–1919). Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1993. 315 с. (на кит. яз.)
- Шарки Агами.** Чжугути лилунь цзи ци тисянь [主体理论及其体现. 平壤: 外文出版社]. Теория предмета и ее воплощение. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1978. 65 с. (на кит. яз.)
- Ян Чжаоцюань.** Гуаньнэй дицзюй чаосяньжэнь фанжи дули юньдун цзыляо хуэйбянь (шан) [杨昭全. 关内地区朝鲜人反日独立运动资料汇编(上). 沈阳: 辽宁民族出版社]. Сборник материалов об антияпонском движении за независимость корейцев в районе Кваннын (Ч. 1). Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 1987. 814 с. (на кит. яз.)
- Ян Юйлэй.** Яньсин юй чжунчао вэньхуа гуаньси [杨雨蕾. 燕行与中朝文化关系, 上海: 上海辞书出版社]. «Миссии в Янь» и китайско-корейские межкультурные отношения. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2011. 368 с. (на кит. яз.)

References

- Cao Zhongping.** Chaoxian jindaishi [曹中屏. 朝鲜近代史(1863–1919), 东方出版社]. Modern History of Korea (1863–1919). Beijing, East Publishing House, 1993, 315 p. (in Chin.)
- Gang Jaeon.** Chaoxian rangyi yu kaihua [姜在彦. 朝鲜攘夷与开化, 东京: 平凡社]. The struggle of the Koryo people against aggressors and the enlightenment of North Korea. Tokyo, Heibonsha Publishing House, 1977, 293 p. (in Chin.)
- Kim Il Sung.** Jin richeng zhuzuo xuanji(di yi juan) [金日成著作选集(第1卷), 平壤: 朝鲜外文出版社]. Selected Works of Kim Il Sung, Vol. 1. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1978, 527 p. (in Chin.)
- Kim Il Sung.** Yu shiji tongxing(juan yi) [金日成. 与世纪同行(卷1), 朝鲜平壤: 外文出版社]. In the whirlpool of the century. Memoirs, Vol. 1. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1994, 332 p. (in Chin.)
- Lee E.** Zhongrihanxin siguo minzu zhuyi yu xiandaihua bijiao yanjiu [李晔. 中日韩新四国民族主义与现代化比较研究, 北京: 中国对外经济贸易出版社]. Comparative study of nationalism and modernization in four countries – China, Japan, Korea and Singapore. Beijing, Chinese Foreign Economic and Trade Press, 2000, 357 p. (in Chin.)
- Liu Yuming.** Lun Lichao ruxue yu shida zhuyi [刘玉明. 论李朝儒学与事大主义//东岳论丛]. About the Confucianism of Li Dynasty and the Yoshida doctrine. *Dunyu Luncong*, 1994, no. 1, pp. 83–86. (in Chin.)
- Pak Yeongji.** Chaoxian minzu gemingdang yanjiu [朴英姬. 朝鲜民族革命党研究 1935–1945 年, 沈阳: 辽宁民族出版社]. A study of the Korean National Revolutionary Party 1935–1945. Shenyang, Liaoning National Publishing House, 2001, 158 p. (in Chin.)

- Sharky Agami.** Zhuti lilun jiqi tixian [主体理论及其体现, 平壤: 外国文出版社]. The theory of the subject and its implementation. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1978, 65 p. (in Chin.)
- Wang Huaichao.** Shehui zhuyi tongshi·di liu juan [王怀超. 社会主义通史·第6卷, 北京: 人民出版社]. General History of Socialism, Vol. 6. Beijing, People's Publishing House, 2011, 607 p. (in Chin.)
- Wang Ruhui.** Jiawu zhanzheng yu chaoxian [王如绘. 甲午战争与朝鲜, 天津: 天津古籍出版社]. The Sino-Japanese War and Korea. Tianjin, Tianjin Ancient Literature Publishing House, 2004, 234 p. (in Chin.)
- Wang Yaomin.** Zhuyi cidian [王耀民. 主义辞典, 呼和浩特: 远方出版社]. Dictionary of Ideology. Hohhot, Faraway Land Publishing House, 2003, 369 p. (in Chin.)
- Wu Han.** Chaoxian lichao shiluzhong de zhongguo shiliao [吴晗. 朝鲜李朝实录中的中国史料·第一册, 北京: 中华书局]. Materials of the History of China in Joseon Bongon Wanjo Sillock of Korea, Vol. 1. Beijing, Zhonghua Book Company, 1980, 406 p. (in Chin.)
- Wu Yujin, Qi Shirong.** Shijieshi-jindaishi (xiajuan) [吴于廑, 齐世荣. 世界史·近代史(下卷), 北京: 高等教育出版社]. World History – Modern History (Vol. 2). Beijing, Higher Education Press, 1992, 392 p. (in Chin.)
- Yang Yulei.** Yanxing yu zhongchao wenhua guanxi [杨雨蕾. 燕行与中朝文化关系, 上海: 上海辞书出版社]. Korean diplomatic representative “Yanxing” and Sino-Korean cultural relations. Shanghai, Shanghai Lexicographic Publishing House, 2011, 368 p. (in Chin.)
- Yang Zhaoquan.** Guannei diqu chaoxianren fanri duli yundong ziliao huibian(shang) [杨昭全. 关内地区朝鲜人反日独立运动资料汇编(上). 沈阳: 辽宁民族出版社]. Collection of materials on the anti-Japanese movement for the independence of Koreans in the Kwangne region (part 1), 1987, 814 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Ма Юньпэн, доктор политических наук
Чжу Шисун, доктор экономических наук, доцент
Чэнь Чуньхун, доктор филологических наук, доцент

Information about the Authors

Ma Yunpeng, Doctor of Political Sciences
Zhu Shisong, Doctor of Economics, Associate Professor
Chen Chunhong, Doctor of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 19.10.2023;
 одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 31.01.2024
 The article was submitted on 19.10.2023;
 approved after review on 25.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024*